

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Е.Л. Тихоновой
«Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских
старожилов Байкальского региона», представленной на соискание ученой
степени доктора филологических наук
Специальность 10.01.09 – фольклористика

Диссертация Е.Л. Тихоновой посвящена исследованию семантики и прагматики фольклорного исторического текста. Объектом исследования является репрезентативный корпус текстов русских исторических преданий, записанных в Байкальском регионе. Актуальность темы исследования определяется тем, что прагматика, социокультурные функции народных исторических рассказов в контексте локальных фольклорных традиций русского населения Бурятии вообще не были предметом изучения в современной отечественной фольклористике.

Основному содержанию диссертации предшествует достаточно внушительное Введение (50 стр.). В нем Елена Леонардовна рассматривает важные теоретические вопросы, в которых ей необходимо определить свою позицию. Эта позиция диктует методологию работы, от нее зависит и научная значимость проведенного исследования. Поэтому необходимо остановиться на содержании Введения достаточно подробно.

Автор начинает с понятия «прагматика» фольклорного произведения, определяя ее как раздел семиотики, изучающий отношения между текстом и теми, кто его использует – исполнитель и слушатель, а также как совокупность условий, сопровождающих использование текста.

Далее материал Введения логично выстраивается в том направлении, которое необходимо автору для изучения прагматики преданий исследуемого региона.

Диссертант начинает с абсолютно правильной констатации того, что традиция бытования преданий держится на интересе к прошлому. Функция,

присущая жанру, – ««концентрация исторического опыта, исторических знаний и трансляция этих знаний во времени». Интерес к прошлому является продуктом человеческой культуры. «Отсюда, – заключает автор, – закономерно встает вопрос, насколько глубоко простирается интерес к своему прошлому у русских и какие основные исторические события получили отражение в их фольклорной традиции». Таким образом, соискатель показывает, что проблема прагматики напрямую связана с проблемой функционирования народной культуры русских в иноэтническом окружении, что определяет специфику их проживания в Бурятии. В такой исторически сложившейся ситуации историческая память становится «атрибутом этнической идентичности».

Поэтому совершенно логично обращение к вопросу истории заселения русскими Сибири и, конкретно, Восточно-Сибирской ее части. Краткий исторический обзор подводит к тезису о том, что крестьянство оказалось главным фактором превращения Сибири в русский край. Это, в свою очередь, становится реальной основой народной исторической прозы русского населения Байкальской Сибири.

Отсюда – обоснованный переход к проблеме историзма фольклора. Констатирует, что предания (содержащиеся тогда в основном в сибирских летописях, свидетельствах путешественников XVIII-XIX вв.) в период активного освоения русскими Сибири носили не локальный, а общегосударственный характер: знакомили Московию с Сибирью, идейно подготавливали колонизацию края.

В дальнейшем речь идет о степени разработанности вопроса о жанровых особенностях преданий, что закономерно приводит к вопросам соотношения «общенародное / региональное / локальное в фольклоре».

Осветив разные мнения исследователей на эту проблему, автор дает свое, не вызывающее возражений понимание этого соотношения применительно к материалам Байкальского региона, отмечая при этом его условность: «...считаем, что региональный фольклор Западного Забайкалья – это весь фольклор всего населения этой территории (которая не всегда совпадает с

административными границами и населена различными этноконфессиональными группами); локальный фольклор в Забайкалье – это фольклор прежде всего определенной этноконфессиональной группы (казаки, семейские, «сибиряки»), проживающей в определенном месте» (с. 23). Авторские выводы о региональном / локальном можно применить не только к бурятскому региону, но и ко всей Сибири.

Следующий смысловой блок Введения посвящен вопросам классификации преданий (с. 24-29). На наш взгляд, этот фрагмент Введения выглядит перегруженным. Возникает вопрос, зачем подробно повторять то, о чем уже не раз говорилось в научной литературе, в которой (в частности в работах Н.А. Криничной) было показано, что путь распределения по циклам не решает вопроса приемлемой классификации преданий? Это констатирует и сама Елена Леонардовна, но в то же время подробно пишет о том, какие циклы, какие исследователи выделяли, в чем это выделение не совпадает и по каким причинам. С одной стороны, говорит о разнице содержательной (распределение по циклам) и «структурно-генетической» (или «морфологической») классификации преданий. С другой – соединяет эти два разных принципа в одно: сначала выделяется цикл (о заселении края, например), а затем внутри цикла – «совокупность мотивов», что, на наш взгляд, методологически неверно, так как всю «совокупность мотивов» как единиц систематизации можно выделить внутри «темы» (классификационная единица). В этом случае исследователь стоит на одном уровне и при классификации (распределение материала по устойчивым признакам) и при систематизации (распределение материала по изменчивым признакам) – уровне абстрагирования от вербальной основы текста, но учета мировоззренческого содержания, заключенного в нем. Цикл же объединяет конкретные вербальные тексты и препятствует созданию универсального указателя мотивов. Соотношение темы (как единицы классификации), сюжета и мотива (как единиц систематизации) обосновал Ю.И. Смирнов в своих систематических указателях. На материале заговоров эта методология была

применена В.Л. Кляусом, на примере мифологической прозы – автором данного отзыва и алтайской исследовательницей К.В. Ядановой. К сожалению, этот опыт остался за пределами внимания автора диссертации.

Вопросы классификации и систематизации, естественно, не могут быть рассмотрены, если исследователь не определится с сущностью такой теоретической категории, как «мотив». При чтении диссертации, просмотра указателя мотивов, помещенного в Приложении, у нас возникло множество противоречий и несогласий с авторской позицией в понимании мотива.

Но, учитывая неоднозначность толкования этого термина, невыработанность в отечественной науке единого подхода к решению проблемы мотива, мы не будем вступать в полемику с автором исследования, оставляя за ним право иметь свою позицию и следовать ей.

Составленный Еленой Леонардовной указатель мотивов, на наш взгляд, не имеет значения универсального, но служит подробным рабочим каталогом мотивов (или их структурных частей) Байкальского региона о заселении края.

Методологическая база работы выстроена с опорой на научные концепции В.Я Проппа, В.К. Соколовой, Н.А. Криничной и др. Автор диссертации определяет свою методологию как комплексную, выделяя в ней исследование функционально-прагматических механизмов порождения и дальнейшей жизни фольклорного текста.

На с. 39-40 говорится о цели работы, намечаются задачи, необходимые для ее реализации, формулируются положения, выносимые на защиту. Цель исследования вытекает из всей предшествующей теоретической части Введения: «Установление процессов эволюции традиции русской старожильческой фольклорной исторической прозы Байкальского региона и описании ее современного состояния в системном единстве жанрового, семантического и функционально-прагматического компонентов» (с. 39-42).

Положений 12. Из них первые три в том виде, в каком они поданы, на наш взгляд, не требуют защиты и доказательств, так как уже обоснованы и доказаны в научной литературе.

Если автор диссертации хотела раскрыть эти положения на основе регионального материала, значит, их иначе нужно было формулировать. Эти три положения последовательно реализуются в первой главе диссертации, в ее первых четырех разделах. В связи с вышесказанным, содержание этих разделов главы, на наш взгляд выглядит перегруженным, хотя понятно стремление автора упорядочить сведения о жанровой специфике преданий и дополнить имеющиеся наработки новыми наблюдениями.

К таковым можно отнести рассуждения о фольклорном дискурсе. Елена Леонардовна показывает связь фольклорного дискурса с «живой жизнью», то есть указывает на его прагматическую составляющую (с. 52). Останавливается на рассмотрении составляющих процесса коммуникации, показывает отличие фольклорного дискурса от литературного. Замечает, что «чем более конкретизирована собирателем ситуация исполнения фольклорного текста, тем аргументированнее мы можем говорить о прагматике этого текста. Но в то же время, опытным фольклористам «хватает исторических, этнографических, культурологических и прочих знаний, чтобы оценить зафиксированный не ими текст с прагматической точки зрения» (с. 54). Этим обосновывает возможность анализировать записанные не самим исследователем тексты с точки зрения той же прагматики. Высказывает справедливую мысль о том, что «прагматика и семантика фольклорного текста определяются фольклорной традицией, той средой, в которой функционирует текст» (с. 55).

К аспектам, дополняющим уже устоявшиеся мнения, можно отнести, например, то, что, казалось бы, хрестоматийное различие сказок и произведений несказочной прозы, рассмотренное автором с точки зрения их прагматики, позволяет высветить дополнительные аспекты в вопросах функционирования жанров, конкретизировать отдельные аспекты в решении вопроса о жанровой специфике произведений народной прозы. Особо останавливается на отношениях с точки зрения жанровой дифференциации предания и устного рассказа, отмечая их близость и различия (с. 56-62).

Во втором разделе (с. 62-69) говорится о проблемах межжанровых взаимоотношений в сказочной прозе. Отмечая возникшую в советской фольклористике и продолжающуюся даже по сей день терминологическую путаницу относительно определения жанров этого вида, видит причину этого не только в научной неразработанности вопроса, но и в состоянии самой фольклорной традиции, в которой «произведения сказочной прозы жанрово немаркированы». Это явление объясняется с точки зрения прагматики.

Автор считает необходимым (в отличие от мнения некоторых исследователей, в частности А.Г. Игумнова) сохранить в научном обиходе термин «произведение». Мы полностью в этом согласны с автором диссертации. Несмотря на то, что термин «фольклорное произведение» обозначает некую абстракцию, он необходим в определении цепочки: произведение – совокупность версий и вариантов – тексты.

Далее в качестве программной для себя выбирает работу В.Я. Проппа «Фольклор и действительность» и, в частности, его положение о том, что все фольклорные жанры соотносятся с действительностью и только отражают в народном сознании ту или иную ее область. Для автора диссертации этот тезис ученого является аксиомой. Она следует ему на протяжении всего своего исследования, хотя, в то же время, говорит о преломлении действительности в фольклорном сознании и тому подобных явлениях. Но прямое соотношение преданий с действительностью и реализация в них принципа достоверности остаются программными для всей диссертации. Мы не будем оспаривать убеждение автора в непогрешимости пропповского утверждения, но было бы интересно, с точки зрения той же прагматики рассмотреть условность исторического мира, создаваемого преданием. Но это не замечание, а, скорее, пожелание автору работы.

Считает наиважнейшей задачей исследователей решить вопрос о жанровой дифференциации сказочной прозы с учетом межжанровых образований. А, может быть, размытость жанровых границ в этом виде народной прозы – не пробел в науке, не недоработка исследователей? И дело

не в том, как считает автор диссертации, что для рассказчиков все эти разные рассказы – единые повествования о действительности с установкой на достоверность, поэтому границы зыбки, а в том, что мы имеем дело пока с еще живой устной традицией, которая изменчива и текуча и которую трудно уложить в жесткие, разработанные нами схемы и рамки? По этому поводу еще А.Н. Афанасьев очень верно заметил: «Живой дух поэзии не легко поддается сухому формализму ума, желающему все строго разграничить, всему дать точное определение и согласить всевозможные противоречия» [«Поэтические воззрения славян на природу». 1994. Т. 1, с. 12].

Повторяя то, что уже наработано относительно дифференциации внутри самих преданий, сама автор диссертации выделяет предания мифологические, не утратившие генетической связи с мифологией, и собственно предания (более позднего генезиса, в которых происходит усиление реалистических тенденций в отображении действительности и связь с мифологией имплицитна). И дает свое полное определение жанра (с. 70).

С четвертого раздела первой главы в ткань диссертации входит анализ живого регионального материала, что сразу придает исследованию новые краски и содержание. Елена Леонардовна показывает место преданий в системе традиционных жанров русских старожилов Байкальского региона, рассматривает разножанровый контекст, в котором протекала историческая жизнь анализируемого фольклорного жанра. Раздел представляет чрезвычайный интерес, так как демонстрирует не отдельное бытование эпических песен, сказок, лирики, а характеризует в целом «фольклорную среду», «которая "питала" предания, стимулировала их возникновение и бытование. Отличительной особенностью анализируемой фольклорной среды названо то, что её «несли с собой засельщики края, выходцы из различных областей Европейской России, чем и определяется региональная специфика сибирского фольклора, характеризующегося смешением и наслоением локальных фольклорных традиций и репертуаров» (с. 71).

Принципиальной для дальнейшего пути исследования в этом разделе является последняя часть, в которой автор диссертации рассматривает отношения предания и устного рассказа. Считает, что только те устные рассказы могут со временем трансформироваться в предания, которые обладают «важной этноисторической информацией». Показан путь этой трансформации: они начинают включать в свою структуру уже имеющиеся традиционные мотивы. Меняется и функционально-прагматическое назначение этих рассказов. Процесс иллюстрируется региональным материалом о заселении края.

Общий вывод этого раздела о том, что «сибирский фольклор в своей основе носит вторичный характер по отношению к русской материнской культуре», а предания о первопроходцах, о заселении и освоении края, несмотря на свой сравнительно поздний генезис, «вполне традиционны, так как в них использованы сюжетные стереотипы, мотивы более древних произведений этнического фольклора» (с. 84), звучит убедительно.

Таким образом, первая глава диссертации, с одной стороны, упорядочивает сведения о жанровой специфике преданий, добавляя к этому крупницы интересных авторских наблюдений. Но, с другой стороны, подробная констатация общеизвестных теоретических аспектов не может быть вынесена в качестве положений, нуждающихся в защите, которые, видимо, должны были иметь другие формулировки.

Вынесенные на защиту положения 4-11 считаем обоснованными и доказанными. Эти обоснования и доказательства содержат вторая и третья главы диссертации.

Во второй главе автор ставит перед собой задачу осветить вопрос о том, «насколько глубоко простирается интерес к своему прошлому у русского населения, проживающего в иноэтническом окружении (регион Центральной Азии), и какие основные исторические события получили отражение в фольклорной традиции русского старожилого населения Байкальского региона» (с. 108). Глава полностью основана на региональном материале, что

придает работе новый поворот: от теоретических выкладок в плоскость живого фольклорного материала. Представление этого материала тем интереснее, что он демонстрирует региональную традиционную среду Байкальского региона, которая рассматривается в прагматическом и семантическом аспектах.

В первом разделе автор диссертации представляет уникальный фольклорный материал – предания о баргутах.

Предания о баргутах рассматриваются в контексте бытующей в регионах, где русскому населению предшествовало местное, коренное, фольклорных рассказов об аборигенах края, в частности преданий о чуди. Называет также типологически близкие явления из других фольклорных традиций, в частности из ненецкой (преданиях о сихиртя). Считает, что рассказы о древнем монголоязычном племени баргут попали в репертуар русских поселенцев из бурятской фольклорной традиции (с. 110).

Интересно замечание о локализованности данных преданий только в одном – Баргузинском – районе Республики Бурятия. Невьясненным до конца считает вопрос о том, бытовали ли на территории Бурятии предания о чуди «или образ чуди в структуре традиционного предания сразу же был вытеснен образами действительно обитавших на данной территории племен баргут и монголов».

Задается вопросом: можно ли отнести эти предания к собственно историческим? Для этого выявляет основные мотивы, составляющие тот или иной уровень повествовательной системы преданий о баргутах (хотя, на наш взгляд, не все выявленное можно отнести к мотивам, а лишь к составным частям более общих мотивов). Делает вывод о том, что мотивный фонд севернорусских преданий о чуди (по Криничной) перекликается с забайкальскими преданиями о баргутах. Сопоставляет данные предания и с преданиями о чуди, зафиксированными в Омской области (по работам И.К. Феоктистовой). Делает вывод о том, что и те, и другие во многом клишированы. Примерами из региональных преданий иллюстрирует эти основные «клише» (огромные размеры, первобытность, род занятий

(земледельцы или умельцы-рудокопы), богатство баргутов, причины и способы исчезновения и т.д.

Интересны предположения автора и попытки доказать свое предположение о принадлежности баргутов к миру мертвых. Однако уточняет, что (в отличие от чуди на Русском Севере), в местной русской традиции «баргуты никогда не осмысливаются как тотемы или как предки, даже потенциальные: рассказчики сразу же отделяют себя от древних жителей края, противопоставляют себя им» (с. 128).

Такая же региональная «особинка» выделена автором и в отношении мотива о появлении среди хвойного леса белой берёзы: «если в русских преданиях белая береза выступает для баргутов дурным знаком, то в бурятских преданиях белое дерево выступает в своей предупредительной роли – оно предупреждает об опасности прихода белых людей (береза и для бурят выступает в роли оберега). Объясняет это тем, что сакральное для монголоязычных племен дерево не может быть дурным знаком, оно может обладать только положительной семантикой. (с.126-127).

Ценными являются авторские наблюдения над эволюционными процессами, касающимися бытования данных преданий в современное время. Анализируя с точки зрения прагматики текст, записанный от современного человека, заключает, что «семантика преданий о баргутах на современном этапе продолжает оставаться традиционной, прагматика же текстов зависит от исполнителей и среды исполнения» (с. 137).

Общий вывод по разделу о том, что в ткани повествований о баргутах мифемы преобладают над реалиями, убедителен, соответствует поставленной в начале главы исследовательской задаче и вытекает из всего аналитического содержания раздела.

Во втором разделе главы автор рассматривает тексты, где в образе народа-предшественника выступают монголы, китайцы и татары и делает вывод, что «подобная замена мало влияет на общую структуру преданий о древних, исчезнувших с конкретной территории, народах. Этот факт лишний

раз подтверждает мысль о том, что русские предания об исчезнувших аборигенах края представляют собой традиционный набор мотивов, приводящий к типологическому сходству исследуемых преданий с аналогичными преданиями в других регионах и даже в других этнокультурных традициях» (с. 143).

Пример анализа современного текста о баргутах с точки зрения прагматики дан в третьем разделе второй главы. Продемонстрированный анализ подводит к убедительному выводу о том, что прагматический подход «дает возможность сделать вывод о мотивации его исполнения, о традиционности структурирующих текст предания мотивов, о степени сохранности (она довольно высокая) традиции бытования преданий о баргутах в Баргузинской долине» (с. 150).

Основание поселений русскими переселенцами автор называет «следующей исторической вехой, на которой концентрируется историческая память русских Бурятии». Предания на эту тему анализируются в четвертом разделе главы. Делает небезосновательное предположение, что данные предания со временем исчезнут из устного бытования, но останутся в истории уже как образцы культурной памяти.

Констатируя тот факт, что «русские предания о заселении и освоении Восточной Сибири отражают и в рамках всего цикла осмысливают исторический процесс присоединения сибирского региона к Российскому государству», анализирует в основном часть мотива, который в обобщенном виде мы бы назвали: «некто основывает социальный объект». Эта часть мотива является в его структуре субъектом: (кто основывает?). Но автор, следуя своей установке на алломотивы, каждый раз формулирует «новый» мотив, где суждения отличаются лишь субъектами: основание селения одним, двумя, тремя переселенцами и т.п. Глава представляет региональный материал в указанном ракурсе.

Пятый раздел также анализирует ту же часть (субъект) вышеназванного мотива. Но автор также выделяет его в самостоятельный мотив. Особенность

субъекта (монахи) накладывает отпечаток на версию мотива об основании поселения, дает иную мотивировку основания поселения – так как в этом месте открыты горячие ключи.

Автор показывает наличие реалистических деталей в истории формирования этой версии мотива, показывает и наличие традиционных фольклорных элементов. Интересно очень тонкое наблюдение автора над жанровым своеобразием этих повествований: несмотря на то, что субъекты – люди, связанные с христианской религией, – повествование не может быть легендой, так как упор делается на основание поселения (именно это важно), а не на святость места (как таковой ее в этой версии мотива и нет).

В шестом разделе анализируются предания о строительстве сакральных и профанных сооружений.

Мы согласны, что строительство церкви можно выделить в отдельный мотив, так как это, во-первых, уже действие внутри основанного (освоенного людьми) пространства, а, во-вторых, этот объект может повлечь за собой целый ряд дополнительных деталей, требующих выделения и систематизации. Поэтому заголовок раздела, на наш взгляд, требует уточнения: в самой формулировке «мотив строительства» нет никакой мировоззренческой семантики. Что значит «мотив строительства?». Ровным счетом ничего. Мировоззренческая семантика появляется только в сочетании со всей структурой мотива (кто строил, что, с какой целью, при каких обстоятельствах?). Мы бы сформулировали его как суждение: «некто основывает (строит) (пытается основать) священный (сакральный) объект» и рассматривали бы отдельно от мотива об основании профанного объекта (селения).

В самом начале раздела автор диссертации так и делает, и читается эта часть интересно, так как, действительно, показывает особую специфику, присущую данной мировоззренческой единице.

Как нам же кажется, в отдельный мотив нужно выделять суждение: «выбор места для строительства сакрального объекта диктуется особыми

знаками (обстоятельствами)». И внутри уже этого мотива рассматривать роль сакральных животных в этом процессе, (иногда, кстати, необходимость основания церкви диктует внезапное появление иконы на этом месте), проявление противодействующих сил (сюжет с одноглазым осетром). Кстати, мотив диктует анализ и многих других составляющих, которые бы помогли раскрыть его смысл более полно (например, мотивировки строительства (просто должна быть церковь, моровые болезни, особый знак и проч.), обстоятельств строительства и проч.). К сожалению, это осталось за чертой внимания автора, поторопившегося сопоставить роль животных в случае строительства сакрального и профанного объектов.

В сюжете с осетром (анализ сюжета интересен, так как предпринято сравнение с его бытованием в другой традиции) мы имеем дело не столько с нарушением традиции выбора места строительства, сколько пренебрежением к знакам сакральных (кстати, совсем не христианских) сил.

Эти все обстоятельства основания сакрального объекта требуют более тщательного и детального анализа, которого немного не хватило.

Седьмой раздел, опять же, посвящен анализу региональной специфики преданий, бытующих в Бурятии, – межэтническим контактам русских старожилов. Автор, совершенно справедливо, не все повествования, которые рассматривает в главе, считает преданиями. Перечисляет сюжеты и мотивы преданий, названных Л.Е. Элиасовым, который застал более ранний этап бытования жанра. Констатирует, что тематика, названная исследователем, из живого бытования преданий ушла. Но в качестве устойчивых суждений в настоящее время сохранились предания о прежних хозяйственных контактах русских и бурят, а также устные рассказы о бытовых взаимоотношениях русских и бурят в недалеком прошлом. Говорит о фиксации таких текстов как в старожильской, так и в старообрядческой среде. При этом рассказы старожилов отличаются меньшим набором традиционных мотивов о межэтнических контактах русских и бурят, нежели рассказы старообрядцев

(семейских). Одним из самых устойчивых мотивов «является мотив, семантическим компонентом которого выступает дружба русских и бурят».

Межэтническое взаимодействие приводит к тому, что история и фольклор народов, живущих бок о бок, становятся взаимноинтересными и часто взаимопроникаемыми. Процессу проникновения в русский фольклорный репертуар бурятских преданий, в частности преданий о происхождении родов, посвящен восьмой раздел второй главы.

В главе содержится интересный аналитический материал и логичные выводы, вытекающие из проведенного анализа, что делает содержание главы ценным в научном отношении.

Так, автор пишет о том, что сюжеты некоторых преданий, бытующих или ранее активно бытовавших в среде русского старожилого населения Бурятии, являются иноэтническими по своему происхождению. Объясняется это хозяйственными контактами, смешанными браками, двуязычием, интересом к истории и культуре бурят и, естественно, совместным проживанием на одной культурно-исторической территории.

Подробно анализируются сюжеты этногенетических преданий, сюжеты о девушке-лебеди и проч. Бурятские предания, как правило, рассказывают о первопредке, от которого пошел тот или иной бурятский род. Предания эти глубоко архаичны и являются по сути мифологическими преданиями. Называет смешанный жанр: миф-предание.

Еще одно интересное авторское замечание касается эволюции, в том числе и жанровой: «Характерно то, что, попадая в русскоязычную среду, подобные тексты не меняют своей жанровой принадлежности, так и оставаясь мифологическими преданиями. То есть, русские старожилы, восприняв эти произведения в форме мифов-преданий, не трансформировали их, например, в сказку: сохранились характер сюжеттики, структура, функциональное назначение данных нарративов. В родном же бурятском фольклоре наблюдается процесс трансформации этногенетических преданий в сказочное

повествование. Связано это с постепенной частичной утратой народом мифологического мировоззрения.

Такое явление автор объясняет с точки зрения прагматики – функциональным назначением жанра: донести без изменения информацию о давно прошедших временах и событиях. Тем более, если эта информация касается других народов: хорошее знание генеалогии соседнего народа, его нравов, обычаев – дань уважения этому народу.

Заимствованные бурятские предания со временем становятся «неотъемлемой составной частью русской локальной традиции».

Подводя итог, опять же делает вывод о том, что «локальные репертуары преданий сибирских старожилов формировались под воздействием конкретно-исторических обстоятельств.», то есть остается верной пропповской установке о восхождении любого фольклорного жанра к действительности.

По содержанию главы, тем не менее, возникает несколько вопросов. Автор причислила сюжет о девушке-лебеди (О Хоредое, Булагате, Эхирите) к преданиям, правда, с оговоркой, что это мифологические предания или мифы-предания (а есть такой жанр?). Так ли все однозначно? Так все-таки мифы (мифологические рассказы) или предания? Разве есть такое гибридное образование как «миф-предание»? Насколько оправдано перенесение русской жанровой системы на систему фольклора другого народа? Бурятские тексты о девушке-лебеди – это не предания. Они ближе к мифологическим рассказам, они входят в мировой контекст мифологических сюжетов темы «Мифическая жена». В них (и то, далеко не во всех сюжетах этой темы) функцию предания (а в бурятском фольклоре может быть это иной жанр?) несет лишь мотив происхождения бурятских родов от мифической жены.

И второй вопрос. Включив в свой фольклорный репертуар бурятские сюжеты, русские старожилы стали воспринимать их как свои? Или в народной памяти они остались иноэтническими? Или они уже воспринимаются как общее культурное наследие (особенно в семейных кланах со смешанными браками)?

В своих исследованиях Н.А. Криничная выделила версии мотива, названного ею «происхождение топонима». В девятом разделе второй главы данной диссертации ее автор анализирует эти версии на уровне прагматики. Считает, что топонимические предания «имеют весьма существенное прагматическое значение, являясь при этом способом хранения и передачи во времени и пространстве архиважной этноисторической, этнокультурной информации». Они составляют значительный пласт народной исторической прозы русских старожилов, создают ономастическую картину мира. А в ней, в свою очередь, воплощается характер культуры каждого этноса. Географические названия, являясь продуктом народного сознания, отражают все стороны духовной и материальной жизни людей.

Здесь стоит отметить актуальность и новизну авторского подхода: изучение топонимов с точки зрения их прагматики. Прагматический аспект позволяет ответить на ряд существенных вопросов в изучении исторической прозы: с какой целью топонимы появляются в фольклорных текстах? Какие функции выполняют? Как воздействуют на исполнителей и слушателей? И в тексте диссертации ответы на эти вопросы есть.

Таким образом, опираясь на содержание второй главы, можно считать, что вынесенные на защиту положения № 4-10 полностью доказанными.

Третья глава посвящена анализу культурных концептов и нравственных ориентиров в фольклорной исторической прозе старообрядцев (семейских) Бурятии.

Мотивный фонд преданий этой этноконфессиональной группы анализируется в сравнении с содержанием преданий о заселении края, зафиксированных от русского старожильского населения. Делается вывод, который иллюстрируется примерами из текстов о том, что «предания старообрядцев Забайкалья о заселении края вполне традиционны и содержат в своей структуре традиционные компоненты. Специфику составляют мотивы, обусловленные историей старообрядчества – раскол веры, приверженность старым обрядам и обычаям, мотив гонений на старообрядцев и некоторые

другие. В главе речь идет и о нравственных идеалах семейских, отраженных в преданиях. В частности, «культе труда». Но тут же автор оговаривается, что это вошло в фольклорную традицию всех русских переселенцев Сибири. Справедливость вывода может быть подтверждена и прииртышским материалом.

К локальным относят также и мотивы, касающиеся взаимоотношений старообрядцев и бурят. Называются основные сюжеты и мотивы.

Иллюстрируя сделанные наблюдения текстами, автор опирается, как нам кажется, не столько на предания, сколько на устные рассказы. Но при этом она показывает интересный процесс уже начавшейся стереотипизации отдельных мотивов и появления «клише». В частности, это касается рассказов о запрете на общение с иноверцами в еде и питье.

Подводя итог, делает вывод, что «предания и устные рассказы семейских выполняют функцию межпоколенной передачи этнически важной информации и в то же время являются формой оценки старообрядцами себя и своего прошлого и настоящего». Новым вкладом в науку о фольклоре семейских, наверное, следует считать авторские выводы о процессах изменений в жанровой системе фольклорных жанров, бытующих в среде семейских, процессах возрождения этноконфессионального самосознания, во многом утраченного во времена советской власти, возрождение традиционных ценностных ориентаций семейских.

Таким образом, третья глава исследования показывает обоснованность и доказанность положения № 11, вынесенного на защиту.

Что касается положения № 12: «Ритуалы календарных праздников в высшей степени прагматичны. Однако исконный сакральный смысл большинства обрядовых действий либо забыт, либо утрачен безвозвратно для носителей традиции (но может быть активирован вопросами собирателя)», то здесь мы не согласны с самим включением рассказов о календарных праздниках в состав исторической народной прозы, а также тем, что исконный

смысл обрядовых действий, «может быть активирован вопросами собирателей».

Включение в свое исследовательское поле названных рассказов автор диссертации объясняет изменением функционально-прагматического назначения рассказов. Рассказы о праздниках она называет «воспоминаниями». Они помогают этносу в отрыве от метрополии выжить в иноязычном окружении, сохранить этническую специфичность. С этим можно согласиться, если речь идет о самих календарных праздниках, а не о рассказах о них.

Понятно желание автора диссертации проанализировать материал, который практически не записывался и не изучался в Бурятии. Формулируя третью задачу исследования, автор пишет о том, что необходимо выявить «сюжетообразующие компоненты жанровой системы исторических преданий и устных рассказов о календарных праздниках». А какая у рассказов о праздниках жанровая система? И вообще, можно ли их считать жанром календарно-обрядового фольклора? Несомненно, фольклорны сами праздники и ритуалы, а можно ли говорить о фольклорности рассказов о них? И есть ли в рассказах о праздниках фольклорные сюжеты?

Мы вполне согласны с тем, что рассказы о народном календаре транслируют «ценностно-смысловой мир культурной памяти» и что это важно для русских, проживающих в иноэтническом окружении. Но совершенно не убеждены в том, что их нужно ставить в один ряд с преданиями и рассматривать как фольклорные тексты, даже если их «поэтика» детерминирована прагматикой.

Доказать свою позицию Елена Леонардовна пытается в последней, четвертой главе диссертации. Прочтение этой главы показывает, что автор в большей степени анализирует содержание самих праздников и ритуалов, а в меньшей - рассказов о них. Елена Леонардовна перечисляет задачи, стоящие сегодня перед исследователями народных праздников, объясняет возросший интерес науки к ним: «исследователей интересует, какие традиции существовали в той или иной местности, каковы истоки этих традиций, каковы

были функции календарных праздников и календарно-обрядового фольклора раньше и как изменились роль и функции календарно-обрядового комплекса на современном этапе, каково сегодня предметное поле народных календарных праздников».

Все так, но это задачи совершенно иных, не соотносящихся с изучением народной исторической прозы исследований. Предметное, семантическое и даже прагматическое поля здесь разные.

Говоря о прагматике коммуникативной ситуации: исполнитель рассказов о праздниках – собиратель, автор считает возможным вопросами собирателя «активировать» сакральный, исконный смысл праздника, о котором идет речь. Это обозначено в положении № 12. Но если явление архаической культуры десемантизировано уже на протяжении длительного времени, если его исконного ритуального смысла уже нет в мировоззрении носителя традиции, то вопросы собирателя никак его не активируют. Выяснение ритуальных смыслов, исконной семантики календарных обрядов и обычаев – дело чрезвычайно сложное. Оно касается изучения, в том числе, мифологии, архаического мировоззрения. А это слишком далеко от бытования современных рассказов о праздниках. И задача, которую ставит перед собой автор в последней главе *«реконструировать и исследовать»* [выделено нами – Н.К.] *систему* традиционной святочной и масленичной обрядности русского старожилого населения», вряд ли можно выполнить, опираясь на современные фиксации воспоминаний о праздничной культуре. Правда, современное состояние этой самой культуры в этом случае показать можно.

При чтении последней главы все время возникает вопрос: зачем в рамках заявленного серьезного и обоснованного анализа народной исторической прозы заходить не на свою исследовательскую территорию?

В остальном же работа представляет собой цельное серьезное научное исследование заявленных проблем, отличающееся актуальностью и новизной. Это подтверждают глубокие и обоснованные выводы, которые содержит Заключение диссертации.

Диссертация Е.Л. Тихоновой содержит также солидное приложение, включающее большой корпус текстов (преданий, устных рассказов – 140). Наличие текстового приложения не только вводит в научный оборот фольклорный материал, впервые представляющий в таком объеме народную традицию в области исторической прозы русского населения Бурятии, но и позволяет текстуально проверить обоснованность научных выводов автора, практически увидеть, насколько действенна система мировоззренческих единиц, отраженных в преданиях. Речь уже идет о помещенном в то же Приложение Указателе мотивов, который можно считать каталогом регионального материала. Для удобства работы с Указателем и текстами в Приложение помещены и своеобразные «ключи» – указатели имен исполнителей, мест записи, географических названий, собирателей. Последний показывает, что солидная часть текстов зафиксирована самим автором диссертации.

Библиографический список (298 наименований), убеждает нас в глубоком погружении автора диссертации в исследуемые проблемы и опоре на солидный научный аппарат.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в реализации принципов прагматического подхода к исследованию народной сказочной прозы, введении в научный оборот ранее не исследованного фольклорного материала. Основные выводы и конкретные положения диссертационного исследования Е.Л. Тихоновой вносят существенный вклад в современную науку.

Практическая значимость определяется возможностью использования результатов диссертационного исследования при разработке и чтении вузовских курсов по фольклору, фольклористике, народной культуре, этнографии. Результаты исследования (а также представленные фольклорные тексты) будут обязательно использованы в подготовке к изданию тома русской сказочной прозы академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Всё сказанное выше позволяет нам заключить, что диссертация представляет собой научную работу, в которой содержится решение исследовательских задач, имеющих значение для развития фольклористики.

По содержанию и оформлению работа соответствует предъявляемым требованиям и представляет собой самостоятельное и законченное научное исследование. Автореферат и статьи, опубликованные по теме диссертации, полно и адекватно отражают содержание диссертации.

Основные теоретические положения диссертации и результаты исследования были представлены в виде очных/заочных докладов на зарубежных (КНР 2013, 2015 гг.; Республика Беларусь 2011, 2013 гг.), международных, всероссийских и региональных научных конференциях, в том числе на Первом (2006 г.), Втором (2010 г.), Третьем (2014 г.) и Четвертом (2018 г.) Всероссийских конгрессах фольклористов в г. Москва и Тула и на I Сибирском форуме фольклористов (Новосибирск, 2016 г.).

Исследование соискателя прошло необходимую апробацию, по теме, опубликованы: монография «Русские предания Восточной Сибири о заселении и освоении края» – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 220 с.; участие в двух коллективных монографиях: «Традиционный фольклор старообрядцев Бурятии (семейских) в современном бытовании (по материалам полевых исследований конца XX – начала XXI вв.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 316 с.; «Локальные варианты фольклорной традиции русских старожилов Бурятии. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016. – 300 с., а также 80 работ, в том числе 16 – в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ. По актуальности, проблематике, научной новизне, теоретическому уровню и практической значимости диссертация Е.Л. Тихоновой «Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов Байкальского региона» соответствует п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением правительства РФ от 24.09.2013 N 842, и заслуживает присуждения ее автору искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.09 – фольклористика.

Козлова Наталья Константиновна, доктор филологических наук (специальность 10.01.09 – фольклористика), доцент, профессор кафедры литературы и культурологии ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», nkf@rambler.ru

Контактные данные:

644099, г. Омск, набережная им. Тухачевского, д. 14,

ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет»,

тел./факс: +7 (381-2) 23-12-20,

электронная почта: mail@omgpi.ru, веб-сайт: <http://omgpi.ru/>.

Подпись заверяю

Геращенко Ирина Петровна, доктор экономических наук, доцент, проректор по научной работе ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет»

